

Н. БАКШИ, А. ЖЕРЕБИН

Jürgen Lehmann. Russische Literatur in Deutschland- Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart [Русская литература в Германии. Ее рецепция в творчестве немецкоязычных писателей и критиков XVIII—XX веков]. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2015.

Труд Юргена Лемана, одного из старейших исследователей русской литературы на Западе, представляет собой явление не только значительное, но и знаковое, поскольку свидетельствует о том, что история русско-немецких литературных отношений, которая складывалась на протяжении XX в. усилиями русских и немецких ученых, достигла известной концентрации знаний, позволяющей создать широкую обобщающую картину.

Созданная одним автором, книга Лемана несет на себе несомненную печать его творческой личности, демонстрирует — при всем разнообразии тем и подходов — единство индивидуальной точки зрения на описываемые феномены и обладает той высокой степенью аутентичности, которая едва ли была бы возможной в столь востребованном сегодня жанре коллективного научного исследования.

Широта обзора — в книгу включены важнейшие факты рецепции русской культуры в Германии с начала XVIII в. до настоящего времени — сочетается в исследовании Лемана с остротой взгляда, с точностью и инновативностью анализа избранных, наиболее выразительных сюжетов, связанных с именами Райнера Марии Рильке, Томаса Манна, Бертольда Брехта, Анны Зегерс, Кристи Вольф, Пауля Целана, Генриха Белля, Томаса Бернхарда, Хайнера Мюллера.

Смелость и определенность суждений автора нигде не вступает в противоречие с академической объективностью анализа, убедительностью аргументации и благородной сдержанностью научного стиля речи, индивидуального, узнаваемого, но абсолютно свободного как от терминологического балласта, так и от дешевых красотостей. К числу несомненных достоинств книги относится подчеркнутое внимание ее автора не только к громким именам и значительным произведениям, но и к менее заметным, иногда полузабытым героям культурного трансфера и агентам литературного поля — пере-

водчикам, критикам, издателям, общественным деятелям, университетским профессорам. Образ России, отраженный в зеркале ее литературы, создавался ими пристрастно и ангажированно, не только на встречах, но и на враждебных течениях, с любовью или ненавистью, но всегда на фоне и в интересах своей культуры, как бы различно она не понималась разные периоды истории.

Не ставя вопрос о культурных различиях между немецкими, австрийскими и швейцарскими реципиентами, Леман, тем не менее, учитывает эти различия в анализе конкретных эпизодов. Так, у Томаса Бернхарда русская тема поддерживает, согласно Леману, характерную именно для австрийцев критику языка и персональной идентичности, а в позднем романе «Уничтожение» (*„Auslöschung“*, 1986) Бернхард открыто противопоставляет радикализм русского отрицания действительности тенденции к примирению с ней в немецкой идеалистической культуре (с. 323—324).

Юрген Леман подчеркнуто аскетичен в том, что касается теоретического дискурса. Читатель его книги не найдет в ней ссылок на теорию сравнительного литературоведения как набор аксиом, претендующих на универсальность. Опора на теорию присутствует в книге имплицитно, определяя расположение исторического материала, его описание и интерпретацию. За ними со всей отчетливостью прочитывается убеждение автора в том, что, начиная с XVIII в., на протяжении трех столетий формируется русский текст немецкой литературы, в котором все его элементы, все частные феномены рецепции, творческой и критической, вступают в структурные отношения, образуя сложно устроенное и все же единое смысловое пространство. Когда Криста Вольф или Иоганнес Бобровски обращаются во второй половине XX в. к русской теме, они помнят и реактуализируют многое из того, что было написано в Германии о русской культуре, трансформируют и наращивают русский текст и русский дискурс как один из ключевых смыслообразующих, конструктивных факторов национальной литературы.

Анализируя многочисленные факты адаптирующей переработки внешнего во внутреннее, Леман последовательно утверждает своей книгой мысль о том, что само понятие «история немецкой литературы», сама логика ее развития не поддается осмыслению как логика имманентная, продиктованная последовательной сменой литературных эпох и направлений. Лишь когда мы осознаем, что это кажущееся имманентным развитие представляет собой партию в международном диалоге культур, выясняется, что так называемые периоды затишья, спада являются вместе с тем периодами интенсивного усвоения внешней информации, подготавливающей преодоление кризиса. Особенно выразительным примером подобного взаимодействия является, по мысли Лемана, рецепция Достоевского: «Вопреки сложившейся в XIX веке традиции рассматривать историю литературы как форму последовательного утверждения нацио-

нальной идентичности, история рецепции взрывает мнимую гомогенность национального социокультурного развития, выдвигая в центр внимания трагические разрывы и переломные моменты, когда особенно интенсивное освоение иностранного опыта призвано компенсировать состояние духовной, идеологической и эстетической дезориентации. Так, страстный интерес, с которым воспринимается на рубеже XX века русская литература, жадное внимание, которое не только литераторы, но и философы, теологи, психологи, социологи проявляют в эти годы к творчеству Достоевского, дает представление о масштабах идейной опустошенности и интеллектуального застоя, характеризующих духовную ситуацию Германии в эпоху Вильгельма II <...> Стремление найти в чужом свое, обращение к русской литературе в поисках нового мировоззрения дает знать о себе в самых различных социальных и идеологических контекстах. В «конце века», а затем после проигранной Первой мировой войны оно играет значительную роль в формировании тех крайне консервативных позиций, с которых ведут свою критику современной цивилизации Артур Меллер ван дер Брук, Освальд Шпенглер, Томас Манн. После Второй мировой войны оно окрашивает собой попытки философского и идеологического самоопределения в культуре ГДР и некоторых областях философской мысли Западной Германии (напр., книга о Достоевском Рейнгольда Лаута). То же относится и к современному естествознанию, например, к психоанализу Фрейда, сложившемуся не в последнюю очередь благодаря интенсивной критической рецепции Достоевского» (с. 4).

Думается, что книга Юргена Лемана надолго предопределит все новые опыты в области русско-немецких литературных связей. Четкая систематизация обширного материала, который она в себя вместила, как и способы концептуализации этого материала отнюдь не отменяют принципиальную открытость ее структуры. Напротив, каждый вновь обнаруженный факт, каждая новая интерпретация найдут в ней свое еще незаполненное, но уже предусмотренное для него структурное место, и, заняв его, должны будут вступить в разнообразные связи с соседними элементами. Именно в этом заключается, на наш взгляд, едва ли не главное достоинство книги Лемана, которая написана так, что позднейшие исследования будут не опровергать, а подтверждать ее концепцию.

Можно надеяться, что масштабный труд Юргена Лемана найдет продолжение в русской компаративистике. Достойным ответом на него должна была бы стать аналогичная обобщающая история немецкого влияния в русской литературе, полная история ее «немецкого текста», которая, при всем обилии исследований более частного характера, до настоящего времени отсутствует. Не исключено, что стимул для ее создания даст публикация книги Лемана в русском переводе, запланированная на 2017 год.